

18+

П И Т Е Р Ч А Р С К И

ЛЮДИ В ФОРМЕ

Рассекреченные
материалы

или Служба Когнитивной Разведки восстанавливает
суверенитет нашей вселенной и опять спасает Россию

Питер Чарски
Люди в форме. Или
служба когнитивной
разведки восстанавливает
суверенитет нашей вселенной
и опять спасает Россию

<https://litres.ru/74544202>

ISBN 9785007135986

Аннотация

Это история о том, как тихий филолог-фрилансер Арнольд Березин становится оперативником ведомства, охраняющего границы реальности. В мире, где шумерские боги стоят за пандемией 2020 года, а по МКАДу в невидимой части спектра протянулась допотопная змея, Березину приходится применять знания мертвых языков как боевое оружие. Но чем дальше продвигается расследование, тем очевиднее становится: герои живут внутри текста — и для того, чтобы победить, им предстоит выйти на его автора.

Содержание

Пролог прологов (0)	5
Трудности перевода с кошачьего (1)	7
Событийная имманентность бытия (2)	13
Just a man in the middle of a complicated plan (3)	19
Беги, Бетти, беги! (4)	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Люди в форме
Или служба когнитивной
разведки восстанавливает
суверенитет нашей
вселенной и опять
спасает Россию**

Питер Чарски

© Питер Чарски, 2026

ISBN 978-5-0071-3598-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог прологов (0)

«Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. <...> Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы».

В синем ведомственном халате с клетчатым подбоем, шаркающей пенсионерской походкой ранним утром седьмого числа весеннего месяца марта в кухню своей трехкомнатной квартиры между гастрономом и полицией в Иродовом переулке вышел генерал-лейтенант Службы когнитивной разведки Антон Аверьянович Громов. Он зябко поежился и потянул генеральским носом: в воздухе явственно что-то витало, и это были не табачные запахи, распространявшиеся в доме ветеранов силовых ведомств РФ путем несанкционированного смешения воздушных масс в вентиляции. Это было слабо мерцающее где-то на периферии сознания ощущение возможности возникновения чего-то незапланированного, рождающее в душе Антона Аверьяновича странное неуставное беспокойство. Он буквально ощущал в кухне даже не чье-то присутствие, а всего лишь возможность этого присутствия. Как если вдруг сидишь дома ненастным осенним днем в тоске и думаешь под стук дождя — а вот тут, на подоконнике сейчас мог бы располагаться большой дым-

чатый кот. И Антон Аверьянович прямо сейчас ясно ощущал ненулевую вероятность присутствия в кухне этого неизбывного кота.

Антон Аверьянович решительно взглянул на подоконник: кота там не было. Он вздохнул, подошел к электрической плите и выключил закипевший чайник. В воздухе запахло аргонном или, может быть, даже криптоном, но Антон Аверьянович не обратил на это внимания, полностью погруженный в свои мысли. Он налил в чашку вчерашнюю заварку из миниатюрного фарфорового чайничка, бросил два кубика сахара и плеснул из чайника кипятка. И когда Антон Аверьянович взял в руку свою чашку и уже приготовился насладиться вкусом «Майского Генеральского», он прямо вот так, в этом возмутительно штатском виде — с чаем в руке, в халате и легкомысленных для генерала-лейтенанта тапочках-оленьях с миниатюрными рожками, — исчез. Из кухни сначала пропал весь целиком Антон Аверьянович, а следом неторопливо растворилось во времени и ощущение возможности чьего-то присутствия.

Трудности перевода с кошачьего (1)

«Конец света маловероятен. Но всегда остается надежда».

«В рамках классического и квантового формализмов математически доказано, что осознание в своей основе конфабуляторно, или, иными словами, логика говорит о том, что вас в данный момент не существует».

12 марта сего года, во вторник, в первый день Масленицы, именуемый в народе также Заигрыши, старший научный консультант Службы когнитивной разведки Арнольд Рудольфович Березин вместо того, чтобы заниматься написанием отчета о своей недавней командировке на Памир, сидел в своей квартире, прямо посередине комнаты на ковре, и играл с котом. Точнее, он занимался испытанием нового прибора от профессора Федора Устиновича Феля. По замыслу великого русского ученого, нашего современника, прибор должен был переводить с кошачьего языка на человеческий, и Березину, как единственному в СКР живому специалисту по мертвым языкам, было поручено в этом разобраться и «довести, понимаешь, до ума». А то ведь, как говорят в народе, ум за морем не купишь, коли дома нет.

— Арнольд Рудольфович, у тебя ведь и кот имеется в на-

личии! — решительно напирал Федор Устинович.

— А это, Федор Устинович, не совсем кот, понимаете ли... — пытался слабо возразить Березин.

— Неправда. Я его видел, — категорично заметил Федор Устинович. — И это определенно кот! Правда, какой он породы, я затруднюсь определить, да и окрас у него странноватый, но это точно кот. Причем весьма хитрый.

— Но это же наш сотрудник! — вскричал Березин, но не был услышан. Профессор, сидя за своим плотно уставленным приборами столом, уже погрузился в недра какой-то книги явно бухгалтерского объема и назначения, где принялся что-то яростно вычеркивать шариковой ручкой.

— Ну и потом, Федор Устинович, — продолжал канючить Березин, теребя в руках подобранную на столе у профессора резиновую уточку. — Я же специалист по древним, мертвым языкам. А кошачий язык, при всем уважении к вашим исследованиям, вряд ли можно отнести как к первой, так и ко второй категории.

— Товарищ Березин, положите деталь на место! Это, между прочим, небезопасный предмет! — строго сказал профессор. Как показалось Березину, он чуть задумался и, во всяком случае, отвлекся от своей книги. — Так и кому же я поручу испытание? У меня тут в лаборатории, Арнольд Рудольфович, знаете ли, котов нет — одни только крысы да хомяки. Так что примите удар на себя. Ради науки, коллега...

Березин тяжело вздохнул, положил уточку, взял со стола

прибор-переводчик, подозрительно похожий на умную колонку одной известной корпорации на букву «Я», и направился к двери.

— Зарядку не забудьте, коллега! — крикнул ему вдогонку профессор Фель, протягивая нелегальный китайский чарджер для айфона.

Пока Березин с тоской вспоминал этот разговор, обучение кота пользованию прибором профессора не двигалось с мертвой точки. Прибор, стоя на полу, упорно молчал, а Ас-модей, крупный кот не до конца ясной породы, редкого карачиевого окраса, сидел на полу и кокетливо трогал лапой смятый фантик от конфеты «Аленка».

После того как Служба когнитивной разведки спасла Россию, а значит, и мир от вторжения древних богов, а Березин с Черновым и Грозовым в восемь тысяч сто тридцатом году до новой эры при некоторой помощи Матери Всех Матерей победили Четверку Богов при Аркаиме, прошло уже много месяцев. Те бури улеглись, и жизнь пошла как раньше, даже лучше прежнего. Березин выпустил книгу «Пеликаны и ежи: к вопросу о правильном понимании семантики ранних шумерских текстов» со вступительным словом самого мэтра Инлильянова. Правда, эта книга была выпущена внутренним издательством Службы когнитивной разведки и из соображений национальной безопасности весь ее тираж был изъят из оборота еще в процессе печати, так что широкая общественность так ничего и не узнала.

В этот момент на приборе профессора вдруг без предупреждения загорелась маленькая зеленая лампочка. Асмодей тут же среагировал на ее появление и неуверенно сказал что-то вроде «мя...», а может быть, даже и «мяук».

Прибор молчал и продолжал мигать лампочкой.

— Мяук, — уже более явственно повторил Асмодей, осторожно кося правым глазом на прибор.

Сначала было тихо, но потом внутри прибора что-то громко щелкнуло — и колонка взорвалась отборной руганью: «Ублюдок, мать твою, а ну иди сюда, говно собачье, а? Что, сдуру решил ко мне лезть? Ты, засранец вонючий, мать твою, а? Ну иди сюда, попробуй меня мявкнуть — я тебя сам мявкну, ублюдок, онанист чертов, будь ты проклят! Иди, идиот, мявкать тебя и всю твою семью! Говно собачье, жлоб вонючий, дерьмо, сука, падла! Иди сюда, мерзавец, негодяй, гад! Иди сюда, ты, говно, жопа!»

Асмодей и Березин с сомнением посмотрели на прибор. Затем Березин протянул руку и выключил колонку.

— Придется сказать нашему профессору, что и на этот раз ничего не получилось, — назидательно сообщил Березин коту, а тот еле заметно кивнул.

И как только Березин взял телефон и задумал было набрать номер профессора Федора Устиновича Феля, великого русского ученого и нашего современника, как телефон вдруг сам зазвонил в его руке. На экране Березин увидел знакомую надпись «Номер засекречен» и привычным жестом смахнул

зеленую клавишу ответа в сторону.

— Арнольд Рудольфович? — осведомился Чернов своим хорошо поставленным баритоном.

— Да-да! Здравствуйте, Иван Андреевич!

— Я по срочному делу, — сухо сказал Чернов. — Генерал Громов пропал.

Пару секунд Березин не мог осознать всю глубину этих трех простых русских слов, а потом спросил:

— То есть как это «пропал»?

— Исчез из своей московской квартиры в Иродовом переулке.

— Может быть, он опять за грибами уехал на Дальний кордон? — осторожно предположил Березин.

— Исключено. Громов пропал при очень странных обстоятельствах. Не просто так. — Тут Иван Андреевич даже немного понизил голос.

— А как? — тоже почти шепотом спросил Березин, заметив между делом, что Асмодей подошел поближе и тоже внимательно слушает.

— Из квартиры исчезли халат, тапочки-олени и даже генеральская кружка с чаем. Так что, со всей определенностью, он отправился не по грибы. И еще одно обстоятельство нам говорит о том, что что-то случилось: квартира пропавшего была закрыта изнутри. Так что все очень серьезно, кто-то бросил нашей службе вызов. Срочно выезжайте на базу.

— Вас понял, через тридцать минут буду.

Березин бросился одеваться, а Асмодей в это время уже доставал из чулана свою переноску. Натягивая модные мешковатые брюки, Березин увидел, как кот трется вокруг этой переноски, со всех сторон разукрашенной наклейками — там были, казалось, стикеры из аэропортов всех стран мира. Переноска была личной собственностью Артема Демидовича Асмодея, ныне кота, а в прошлом ценного нелегального сотрудника Института, и носила на себе следы его богатого агентурного прошлого.

Событийная имманентность бытия (2)

«Любая достаточно развитая технология неотличима от магии».

«Бог или хочет уничтожить зло и не может, или может, но не хочет, или не хочет и не может, или хочет и может. Если он может и не хочет, он — завистлив, что равным образом далеко от бога. Если он хочет и не может, он — бессилён, что не соответствует богу. Если же он и не хочет, и не может, то он и завистлив, и бессилён. Если же он и хочет, и может, что только и подобает богу, то откуда зло и почему он его не уничтожает?»

В рабочем кабинете генерал-лейтенанта Антона Аверьяновича Громова все было как обычно, за исключением отсутствия самого хозяина кабинета. Огромный телевизор, украшенный руками секретаря генерала Марины Смертиной традиционной пасхальной атрибутикой, яичками и открытками с благопожеланиями добродетельным христианам, занимал всю стену. Секретер позади стола был заперт на ключ. За столом генерала сидел Иван Андреевич Чернов и сосредоточенно листал какие-то бумаги. Рядом, в первом кресле для посетителей, сидел, неуверенно поглядывая на занявшего третье кресло — стоящее у окна — кота, Бободжон Аскерханов.

вич Энкиду. Березин сидел во втором кресле.

Бободжон Аскерханович был одним из старейших сотрудников Института и личностью достаточно примечательной. В тридцатые годы прошлого века он был отловлен в Гималаях нацистской экспедицией по поискам снежного человека, вывезен в Германию, где получил блестящее натурфилософское образование в Гейдельбергском университете имени Рупрехта и Карла. Звали его тогда Бруно Теодор Анна София Александр Хартмут Ульрих Энкидштайн (объяснял такое лингвистическое разнообразие Бободжон Аскерханович просто: в ряде немецких земель разрешается иметь до семи имен перед фамилией, и он просто не хотел обижать хозяев), и в нацистской Германии он был известен как один из центральных экспонатов Дрезденского зоосада, где содержался среди всяких диковинок и курьезов, вроде «одичавшей девочки из Шампани», патагонских гигантов, альпийских гномов, готтентотов, разговаривающих щелчками на языке кхой-кхой, и даже одного добропорядочного семейства англосаксов. Позднее он давал гастроли и даже стал знаменит как популярный комик-эксцентрик. Затем Бободжон Аскерханович пережил штурм Берлина советскими войсками, был вывезен в СССР в рамках программы репараций, долгое время работал в одном из «почтовых ящиков» МГБ, но все эти годы его продолжало тянуть в родные горы, так что в итоге он оказался в Памирском филиале Института. Там он отпустил бороду, заработал пагубное пристрастие к

крепчайшим сортам зеленого чая и стал исповедовать суфизм. Несколько лет назад для одного из проектов его вернул к цивилизации Чернов. Кажется, там было что-то связанное с проколами пространственно-временного континуума во время экстатических плясок дервишей — Институт занимался этой проблемой в рамках международного сотрудничества с коллегами из Чиштии — и Бободжон Аскерханович очень пригодился благодаря своему природному чутью баланса.

Был он невысокого роста, коренастый и поросший белыми волосами до бровей, со сморщенным морщинистым лицом, на котором не очень уместно смотрелись очки в роговой оправе с перемотанной синей изолентой дужкой, и длинными, почти достающими до пола руками. Сейчас Бободжон Аскерханович заметно нервничал, и в его длинных орангутаньих пальцах беспокойно мелькали четки.

— Животное тоже будет присутствовать? — осторожно спросил Бободжон Аскерханович Березина, указывая одними глазами на кота.

Асмодей перестал вылизываться и пристально посмотрел на него.

— Это кот. И потом, он наш сотрудник, — ответил Березин.

— Я один вижу, что это далеко не просто кот? — поинтересовался тогда Бободжон Аскерханович уже у Чернова.

— Ваш субъективизм, дорогой Бободжон, часто граничит

с солипсизмом. Иногда кот — это просто кот, — рассеянно заметил Чернов, что-то подчеркивая на листочке.

— Айван, вы очень образованный человек, но хочу заметить, что Фуко давным-давно отверг субъективизм в пользу конструкционизма, оставив оный лишь как часть феноменологии, — моментально парировал Бободжон Аскерханович.

Березин и Асмодей промолчали. Первый — потому что плохо разбирался в европейской философии, а второй — потому что пристально и достаточно зло разглядывал Бободжона Аскерхановича. Бободжон усиленно делал вид, что не замечает внимания кота, и перебирал свои четки.

Наконец Чернов отвлекся от бумаг и обвел глазами всех присутствующих.

— Ну что, товарищи? С чего будем начинать? — строго спросил он. — Дело-то непростое...

— Мне кажется, — начал Бободжон Аскерханович, — что для начала нам нужно атрибутировать этот кейс. Важно прежде всего понять, является ли это событием — от английского «event», что в свою очередь восходит к латинскому «eventus» и означает, с одной стороны, «исход, конец, результат, развязка», а с другой — определяется как «приключение, случай»...

— Давайте обыск в квартире проведем, — перебил Березин. — Возможно, мы найдем какие-то зацепки. Не мог же он просто так пропасть.

— Отличная мысль! — отреагировал Чернов, делая по-

метку в блокноте. — Но этого недостаточно.

Бободжон Аскерханович поднял с пола руку и, протянув длинный черный многосуставчатый палец, поскреб себе где-то в затылке. Березин с благоговением наблюдал за грациозностью и широкой амплитудой его движений, представляя, что в роли комика-эксцентрика или под куполом вивария Дрезденского зоосада Бободжону Аскерхановичу, вероятно, не было равных. Бободжон Аскерханович между тем издал протяжный и полный философской муки стон, прямо как знаменитый телевизионный драматург, и сообщил:

— Эпикур как-то говорил: только люди бывают так неразумны и даже безумны, что некоторых заставляет умереть страх смерти. Иными словами, раз мы ищем причины необычайного случая, надо поискать, не случилось ли поблизости чего-либо необычайного.

— Отлично, просто отлично! — сказал Чернов и достал телефон. — И я даже знаю, кто нам в этом поможет. Наша доблестная московская полиция!

Он быстро и явно по памяти набрал какой-то номер на своей трубке, и через секунду уже говорил:

— Валериан Тимофеевич? Да-да, это Чернов беспокоит. Да, все отлично, спасибо! А как ваши супруга, детишки? Да? Ну и отлично, вот и славненько! Валериан Тимофеевич, не в службу, а в дружбу, как говорится... Да, очень срочное дело, прямо-таки безотлагательное. Очень рассчитываем на вас. Что ищем? Как обычно, Валериан Тимофеевич — все самое

необычное! В общем, всех контактеров, путешественников во времени, прорицателей, застрявших у нас инопланетян и всех прочих. Давайте их всех ко мне на стол, хорошо? Только если свежие, старых не надо!

Чернов положил трубку и посмотрел на них так, как это всегда делал Громов.

— Ну что, по коням?

— Эх, Айван, начать без страха — все равно что победить! — ответил ему Бободжон Аскерханович.

В этот момент мирно лежавшая в кармане куртки Березина колонка вдруг проснулась и произнесла:

— Это вовсе не Эпикур говорил, данная цитата известна из сочинений Сенеки, и мы не знаем, кому из них двоих она принадлежала.

Бободжон Аскерханович настороженно и несколько расстроенно посмотрел на Березина, а тот развел руками, доставая колонку:

— Это переводчик с кошачьего от Федора Устиновича, он некорректно работает пока, не отладили еще...

Тогда Бободжон Аскерханович уже с несколько обвинительным выражением лица взглянул на Асмодея. Но кот невозмутимо сидел в своем кресле и как ни в чем не бывало умывался.

Just a man in the middle of a complicated plan (3)

«Я был некромантом. Но потом пришли служители Амона и заточили проклятьем. Переродился в теле наследника Российской империи, но с печатью на магию. И тут оказалось множество рас: эльфы, люди, орки и даже моя подружка демон-суккуб. С семи лет я мечтал учиться в академии, а вместо этого едва спас свою жизнь. Теперь я тот, кто скрывает свою силу... Но я обязательно ее покажу!»

«Изя Кацман как-то изрек по этому поводу, что миллионный город, лишенный систематической идеологии, должен неизбежно обзавестись собственными мифами. Это звучало убедительно, но люди-то ведь пропадали на самом деле».

Бободжон Аскерханович не поехал на осмотр места пропажи генерала Громова, сославшись на неотложные дела и крайнюю необходимость предаться медитации. Когда он удалился по коридору, раскинув свои длиннющие руки и вращаясь вокруг своей оси, словно танцующий «сану» дервиш — прохожие сотрудники Института пугливо прятались и вжимались в стены, — Чернов деловито сообщил Березину:

— На такси поедem, тут недалеко совсем.

Это «недалеко» быстро превратилось в полтора часа удушяющих московских пробок, и в итоге они вылезли из машины за несколько кварталов, а затем дошли до нужного адреса пешком. Март уже чувствовался и прямо витал в воздухе, меланхолично смешиваясь с выхлопами машин и городским смогом. Хотя московская плитка еще не распустила почки, но дыхание весны было таким теплым, что Березин стянул с головы шапку-петушок и наслаждался относительно свежим воздухом.

Дом, где жил генерал Громов, находился в Иродовом переулке, между гастрономом и полицией. Для того чтобы пройти собственно к дому, нужно было сперва преодолеть высокую стрельчатую арку, затем ведомственную будочку со шлагбаумом и, наконец, обширный сад, весьма обстоятельно благоустроенный, хоть и все еще, в начале весны, достаточно неприглядный. Через сад вела свежая асфальтированная дорожка, сделав по которой пару зигзагов — смысл этих ландшафтных изысков для Березина остался совершенно неясен — они вышли к дому. А точнее — к зданию, так как в обычном доме военные пенсионеры-силовики жить, конечно же, не могли.

Это здание стояло прочно и естественно среди садовых деревьев, словно оно было здесь давно, а может быть, и всегда и намерено так простоять до окончания веков — красное, кирпичное, четырехэтажное. Окна его нижнего этажа были забраны ставнями, а крыша покрыта оцинкованной жестию,

к двери же вело крыльцо из четырех каменных ступенек, а рядом с единственной трубой торчала странная крестовидная антенна. Все окна здания были темны, как если бы никого из жильцов не было дома или же они исчезли таким же таинственным образом, как генерал-лейтенант Громов.

Они прошли на третий этаж, где Чернов быстро сориентировался и направился к основательной двери, обитой темно-багряным дерматином. Он покопался в замке, и дверь с сытым щелчком отворилась, явив им пустые и сумрачные недра квартиры генерала Громова.

— Как-то примерно так я себе и представлял дом нашего шефа... — сказал Березин, обводя взглядом потолок с висящей антикварной люстрой и молчаливые ряды шкафов с книжными полками, в которых таинственно мерцали за стеклянными дверцами ценные ведомственные, равно как и межведомственные, дары.

Он поставил переноску на пол и открыл дверцу. Асмодей сразу же вылез наружу и, настороженно нюхая воздух, направился по коридору в сторону кухни.

— И все-таки здесь как-то мрачновато! — заключил Березин.

— Нужно прежде всего в кабинете его посмотреть, — заметил Чернов. — Если какие зацепки и найдем, то, скорее всего, там.

— А как же Артем Демидович? — спросил Березин.

— А, пусть погуляет, ему после такси полезно размяться.

— Чернов махнул на кота рукой.

Удивительно, но кабинет в личной квартире генерал-лейтенанта Антона Аверьяновича Громова был точной, но уменьшенной копией его рабочего кабинета в Институте. Здесь тоже висел на стене телевизор (поменьше размером), и перед уменьшенной копией генеральского письменного стола располагались три небольших кресла. Позади стояла миниатюрная копия секретера со встроенным баром.

— Что-то это мне все напоминает... — пробормотал Березин, подходя к секретеру и открывая створки.

— Генерал любит стабильность, что вполне естественно для его звания, — хмыкнул Чернов.

Чернов методично мерил шагами комнату и зачитывал в диктофон опись обнаруженных предметов, напоминая в этот момент агента Купера в его лучшие годы.

— Карта на стене с изображением Антарктиды, — сказал Чернов в диктофон.

На стене кабинета действительно висела огромная карта, и внизу было написано: «Схема железных дорог Антарктиды. XXII век. Полдень».

Березин достал из секретера книгу и передал Чернову.

— Книга под названием «Я — непризнанный президент Шестой Республики, и я легитимен!» за авторством некое-

го Жомопеля Путуту, изданная СКР в 2067 году тиражом минус один экземпляр. С дарственной надписью: «Дорогой Илоне на добрую шпионскую память». На обложке изображен какой-то высокий блондин в черном ботинке.

— Подойдите ближе, Иван Андреевич, — позвал Березин.
— Тут много всяких... м-м-м... предметов, я их все не до-
стану.

Чернов подошел и заглянул в призывно горящий янтарным золотом бар генеральского секретера. Он снова щелкнул диктофоном и произнес:

— В шкафчике — продуктовый набор с подписью «Это на Новый год!». Состав: палка твердокопченной колбасы, банка икры и жевательная резинка со вкусом прошлогоднего снега. Рядом лежит второй набор с подписью «Это на случай ядерной войны!». Состав: бутылка шотландского виски и кубинская сигара. Рядом две однотипные цилиндрические банки непонятного назначения.

Березин взял упомянутую банку неопределенного назначения, открыл и поразился, какая у нее внутри гладкая зеркальная поверхность. Кажется, по ней даже прошла какая-то разноцветная рябь, как будто бы от игривых солнечных лучей — Березин даже обернулся и взглянул в сторону окна, но солнца там не было. На дне баночки лежали пять желтых леденцов, и из-за отражения света в зеркальных стенках они тоже немного переливались. Березин закрыл банку и поставил ее на полку. Он взял вторую банку и тоже повертел

ее в руках. Она казалась копией первой, и, открыв ее, Березин даже не удивился, обнаружив там на дне также несколько желтых и слегка переливающихся леденцов, расположенных в таком же порядке.

— Две банки с леденцами «Рижское монпансье», абсолютно одинаковые, в каждой по пять кусочков желтых ссохшихся леденцов, — дополнил отчет Березин. — Всё, больше тут ничего нет.

— Да, а генерал-то наш — сладкоежка, — произнес Чернов, выключив диктофон.

— И педант. У него даже количество леденцов в банках одинаковое, — ответил Березин.

— Все по уставу. Порядок должен быть. Порядком стоит дом, непорядком — содом! — сказал Чернов, копируя интонации Громова.

— А где Асмодей?! — внезапно спохватился Березин.

Они поняли, что не видели Артема Демидовича с того самого момента, когда он, гордо выставив свой поленообразный хвост, проследовал на кухню. Они прошли по коридору, проверили кухню, заглянули под все диваны, открыли створки всех шкафов, даже в туалете посмотрели как вниз — в сплетение водопроводных труб, так и вверх — в уходящие в стратосферу воздухопроводы ведомственного здания. Но как они ни искали хитрого кота, найти его в квартире генерала Громова не смогли, тот как будто сквозь землю провалился!

— Ладно, прячется где-нибудь, черт мохнатый, — сказал

наконец Чернов, отряхивая брюки, которые он испачкал в пыли, ползая с включенным фонариком телефона под диваном. — Сбежать ему отсюда все равно некуда, квартиру мы опечатаем, а завтра, максимум послезавтра мы его выловим. Оголодает и явится. Я полагаю, это в нем бывшая любовь к конспиративным квартирам выиграла, решил, понимаешь, тряхнуть стариной...

— Артем Демидович! — в последний раз позвал кота Березин. — Голубчик, отзовись! Нехорошо так поступать с коллегами!

В этот момент телефон Чернова позвонил, и Березин еле успел отогнать странную мысль, что это звонит потерявшийся кот, как услышал:

— Чернов слушает! Да? Прямо вот так вот, у вокзала? Отлично, мы сейчас же выдвигаемся, ничего пока не предпринимайте! Переводчик? Нет, не думаю, что потребуется... А, уже есть свой? Ну, тогда подключите, конечно, мы не будем против...

— Что там? — спросил Березин.

Довольный Чернов тут же обернулся к нему.

— Кажется, у нас есть зацепка по попаданцам. Надо мотнуться в отделение полиции у Павелецкого, там приняли одну весьма примечательную особу. Так что вызывайте такси, Арнольд Рудольфович.

Беги, Бетти, беги! (4)

«Рассказчик пытается нас обмануть. Именно это позволяет нам обнаружить нестыковки в его истории; нестыковки содержат ключ к его личности и мотивации; понимание личности рассказчика приводит нас к раскрытию замысла автора. Сам автор является абсолютным гением, поэтому в его сюжете нестыковок нет. Ошибки делает только рассказчик, как искусственно созданная, несовершенная личность».

— Вот она! Полюбуйтесь! — возмущенно сказал розовощекий лейтенант полиции линейного управления станции Москва-Павелецкая, указывая на клетку с задержанной. Он взял со стола бумажку и прочитал: — Бетти Фивер из Соединенных Штатов, артистка.

— Артистка, — повторил за ним Чернов.

— Артистка! — фыркнул лейтенант. — Распевала матерные частушки у Павелецкого вокзала. На английском языке.

— На английском же, должно быть, можно? — неуверенно предположил Березин.

— Москва — мультилингвальный мегаполис. И, между прочим, крупнейший в Европе! — важно ответил лейтенант. — В общем, на русском, английском и китайском материться в общественных местах нельзя. Не положено.

— Очень хорошо, — сказал Чернов. — Мы можем с ней

пообщаться?

— Да, конечно, можете! Если вы ее еще потом заберете с собой... ну, на эти ваши... — Лейтенант тут запнулся и захлопал глазами. — Опыты? — неуверенно предположил он.

— Товарищ лейтенант! — укоризненно сказал Чернов. — Что мы, англосаксы, что ли, опыты на живых людях проводить?

Задержанная была подозрительно легко одета для московского марта: на ней был засаленный и буквально сшитый из лоскутов комбинезон, настолько потертый, что напоминал он даже не комбинезон, а какой-то древний гобелен, впрочем, на вид весьма крепкий и ладно скроенный. Было видно, что этот гобелен-комбинезон прошел вместе со своей хозяйкой через незабываемые приключения и, возможно, даже пережил ядерную войну. Под ним были остатки майки, уже утратившей свой первоначальный цвет, а на ее шее висело ожерелье из бутылочных крышек, ракушек и каких-то подозрительных косточек. Сухое и жилистое загорелое тело артистки покрывали самые разнообразные татуировки явно криминального характера. Вдоль ее шеи готическим шрифтом было набито: «Wasteland Tales 2046». В целом напоминала она американскую кантри-исполнительницу, известную своей чудной игрой на алюминиевых ложках, только была, пожалуй, чуточку посимпатичнее, сильно моложе, да и зубов у неё было несколько больше..

В другом углу, прислонившись прямой спиной к спинке стула, сидела и крайне неодобрительно поглядывала на задержанную женщина в полицейской форме и с чрезвычайно сосредоточенным ведомственным лицом. «Переводчик», — сразу догадался Березин.

— Мне кажется, она все-таки не по нашей части, — с сомнением заключил Чернов, внимательно разглядывая задержанную. Та исподлобья и достаточно дерзко смотрела на него в ответ. — Может, и агентура наших заклятых партнеров, конечно, но — не по нашей части!

— Не так все просто, Иван Андреевич, — произнес Березин, пристально разглядывая эту ее татуировку, и обратился к задержанной:

— Хей, ласси! Вир а ю фром?

Та встрепенулась, услышав знакомую речь, и моментально ответила:

— Даллас эриа, Тексас, сёр.

— Вел дан, ласси! — подбодрил ее Березин. — Энд вот еа из нау?

На лице задержанной появилась гримаса, обозначающая, вероятно, муки тяжелой мозговой деятельности. Она пошевелила губами, как будто бы что-то считая в уме, и, наконец, не очень уверенно произнесла:

— Ту zero фоти найн?

— Привет, милочка. Откуда ты? Даллас, штат Техас. Хорошо, милочка, а какой сейчас год? Два ноль сорок девять,

— послышался из угла голос переводчицы.

— Сейчас ведь не две тысячи сорок девятый год? — уточнил Березин, торжествующе взглянув на Чернова, и снова повернулся к задержанной. — Ю ин зе паст май диа! Ин зе вери паст!

Задержанная, кажется, сразу же поняла его, потому что очень расстроилась, энергично помотала головой, но затем почему-то сразу же разозлилась и вскочила, схватившись руками за прутья решетки:

— Вот зе фак а ю аскин, дюд? Вот зе фак, э-э-э? Итс риали клир — айм фром Тексас. Айм тексас дасти бич, а ю хиа? — И она снова схватила руками прутья решетки, даже слегка потряхивая их.

— Почему вы спрашиваете? Почему? Это определенно ясно — я из Техаса. Я техасский пыльный пляж, вы слышите? — без выражения тараторила переводчик из своего угла.

Березин, Чернов и задержанная разом повернулись и пристально посмотрели на нее.

— Она вообще-то не это сказала, — осторожно произнес Березин. — Какой еще пляж?

— Шат ап, ю агли кант! — резко сказала задержанная переводчице и ткнула в нее пальцем, а затем продолжила, обращаясь уже к Березину: — Диа миста, а ю гуд энаф то толд зис копс зет айм нот гилти? Нот гилти эт ол, риали!

— Заткнись, тупой косяк. Дорогой мистер, не будете ли вы так добры сказать этим полицейским, что я ни в чем не

виновна... — произнесла переводчица.

— Ху ар ю? — вступил в разговор Чернов.

— Айм Бетти, миста офисер. Бетти Фивер, — тут же ответила задержанная. — Айм фром Трестар, Тексас. Айм гуд эн нотабл песон, ай хэв а лигал пэйпс фром Тексас Дайректори, анд ю мэй спик то май атони!

С этими словами она начала копать в своих лохмотьях, видимо что-то отыскивая. Затем она отвлеклась на ловлю блохи, и Березин с Черновым брезгливо отошли на пару шагов от решетки. Бетти между тем расторопно поймала блоху и технично прикончила ее щелчком ногтей, удовлетворенно рассматривая получившийся результат. Затем она вытерла руку о свой комбинезон и продолжила рыться в карманах.

— Не переводите, пожалуйста, мы все поняли, — попросил Березин переводчицу, и та, отстраненно поджав губы, отвернулась к окну.

— Ишь ты, агли кант. Сама ты сучка крашенная... — чуть слышно пробормотала она.

Задержанная между тем уже тянула сквозь решетку своими грязными и покрытыми татуировками руками небольшую бумажку. Березин тоже протянул руку и осторожно взял ее, обнаружив, что это чуть помятая темно-зеленая, почти что цвета бильярдного сукна, визитка с золотыми тисненными буквами. На одной стороне стоял адрес: «Москва, Большая Садовая, 302-бис, пятый этаж, кв. №50». С противоположной стороны было написано: «Автор текстов на печенках с

предсказаниями и профессор паралингвистики П. Чарски».

— Большая Садовая? — прочитал лейтенант, который, любопытно вытянув шею, тоже разглядывал визитку. — Да это рядом тут, миль пять. А давайте я вас подброшу с мигалкой и ветерком?!

Кот профессора Чарски был лишь немного симпатичнее Голлума, с огромными перепончатыми ушами, вызывающими стойкие аллюзии на носферату, и он сейчас спокойно сидел у своего хозяина на коленях, таращась на них своими разными глазами: левым зеленым и правым небесно-голубым. Сходство было таким ярким, что Березину показалось, как где-то в глубине уставленных книжными полками коридоров этой квартиры захлопали кожистые крылья, а затем кто-то явственно и плотядно причмокнул. Двое незнакомых людей в штатском кота совершенно не пугали, но особенно и не интересовали. Кот прикрыл глаза и, казалось, задремал. Березину даже стало казаться, что за главного здесь именно этот странный разноглазый кот, а импозантный мужчина в летах, усах и очках всего лишь его дворецкий. И словно в подтверждение этих мыслей кот самым возмутительным образом утвердительно кивнул и, приоткрыв усеянную шипами зубов пасть, выдал серию коротких еле слышных мявков.

— Мы к вам, профессор, и вот по какому делу... — начал Чернов.

— Слушаю вас. — Господин Чарски, лингвист и автор текстов на печеньках с предсказаниями, слегка наклонил голову.

— Это ваша визитка? — Чернов выложил зеленую карточку на стол.

— Да, похоже на то. — Мужчина протянул руку и взял со стола визитку. — А как она к вам попала, разрешите поинтересоваться?

— Ее нам сегодня дала женщина, задержанная около Павелецкого вокзала. По ее словам, ее зовут Бетти Фивер и она из Техаса. По виду — бродяжка и наркоманка. Была задержана патрульно-постовой службой полиции за исполнение матерных частушек на английском языке. Нарушение порядка посредством нецензурной брани в общественных местах. Пятнадцать суток исправительных работ.

Профессор Чарски слегка изогнул бровь, что, видимо, демонстрировало крайнюю степень его изумления, и продолжал крутить в руках свою визитку, рассматривая ее. Наконец он небрежно бросил ее на стол и посмотрел на Березина с Черновым по очереди поверх очков.

— Так-так, я, кажется, понимаю. Произошла чудовищная ошибка! — произнес он, но, как показалось Березину, совершенно без тени сожаления или же раскаяния. — Вот что

происходит, когда в буфере обмена остается кусок текста и потом он волею случая попадает туда, куда не следовало. Мне следовало быть более осторожным, все-таки это совершенно недопустимо в моем весьма ответственном положении. Хорошо еще, что к вам сбегала Бетти, а не Грейс Хаммер или, еще чего хуже, сам Император, вы бы одними ча-
стушками не отделались...

Березин и Чернов переглянулись.

— Мы не совсем понимаем, о чем вы говорите, профессор...

— А это и неважно! — неожиданно весело продолжил Чарски. — Слава богу, мы можем все эти неприятности очень быстро уладить. Или даже не столько у-ла-дить, сколько у-да-лить, простите за невольный каламбур. Это уж как вам будет угодно! Вот сейчас откроем нужный файл — и...

Кот посмотрел на них и тоже начал размеренно кивать своей круглой головой, словно подтверждая тут легкость, с которой все сложности сейчас будут улажены или же удалены.

Профессор между тем аккуратно пересадил кота на тумбочку, повернулся к столу, и его руки запорхали над клавиатурой. Он что-то печатал и тихонько приговаривал:

— Ну что же ты, Бетти, убежала... Сейчас мы тебя вернем на твое место... Вот... вот так. Отправляйся в Песчаные Озера, Бетти, там потеплее будет, чем у Павелецкого вокза-

ла.

У Березина вдруг возникло странное ощущение, как будто в помещении внезапно обнаружился сквозняк, однако при этом флюиды, частицы и прочие молекулы воздуха никуда не двигались. Но определенно что-то в мире быстро менялось. Что-то было удалено, а может быть, и улажено. Он подумал, что герои «Матрицы», верно, ощущали себя примерно так же, когда невидимые архитекторы реальности создавали вокруг них стены и пускали одного за другим клоны котов. Он попытался вспомнить сегодняшнюю задержанную, но вдруг не смог этого сделать. Паника даже не успела распространиться по нейронам его мозга, потому что еще через секунду он совсем забыл и о том, что же именно он хотел вспомнить. Только странное ощущение неоформленного присутствия чего-то удаленного осталось в его голове да засела эта странная фраза: «Вот зе фак а ю аскинг, дюд?»

— Так что же вы хотели спросить, уважаемые? — поинтересовался профессор Чарски, очень внимательно, но в целом довольно благожелательно разглядывая их поверх своих очков в золотой оправе. Он уже отвернулся от компьютера и теперь снова сидел перед ними. Кот опять запрыгнул к нему на колени, но уже не спал, а совершенно издевательски их рассматривал, нервно подрагивая левым ухом.

И тут Березин ощутил уже настоящую панику, какую не испытывал, наверное, со средней школы, — он определенно не знал, зачем они тут находились и за помощью привычно

обратился к Чернову. По непроницаемому лицу полковника не был виден уровень его панической атаки, но он выдержал секундную паузу, а потом с видимым усилием сказал:

— Спасибо, профессор, думаю, что мы уже получили все ответы на свои вопросы. Желаем вам хорошего дня и больших творческих успехов. До свидания!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.